

УДК 911.3

## МЕЖДУ ДАЧЕЙ И ФЕШЕНЕБЕЛЬНОЙ РЕЗИДЕНЦИЕЙ. ВЗГЛЯД С ЗАПАДА<sup>1</sup>

© 2014 г. И. Браде

*Институт страноведения им. Лейбница (Лейпциг, Германия)*

Поступила в редакцию 22.01.2014 г.

В статье рассматривается феномен российской “дачи” через призму западно-европейских исследований. Этот феномен изучается с точки зрения выявления стратегий дачников в исторической ретроспективе и значения дач для советского и постсоветского общества. Особое внимание уделяется социальным аспектам жизни дачников в пригородах в постсоветский период.

В результате фундаментальных преобразований социально-экономической системы существенно изменилась социальная и пространственная структура постсоциалистических урбанизированных регионов. Рост числа индивидуальных домов горожан стал одной из примечательных тенденций в развитии современной России. Ведь в советский период массовое проживание горожан в отдельных домах было невозможным, т.е. классической субурбанизации, характерной для стран Запада с 1950-х гг., в СССР не было. В Центральной и Восточной Европе наряду с обширными районами массовой панельной застройки, все более проникавшей в пригороды, внешний вид пригородной зоны определялся, прежде всего, обширными массивами летних домиков. Градостроительные и социальные структуры, как и повседневная жизнь, на востоке Европы были связаны с особенностями такого культурного явления, как “дача”.

Цель статьи – показать, как формировались представления о российских дачах у ученых западных стран<sup>2</sup>. По Лоуэллу [6], большинство исследований по развитию поселений в советский период в России концентрировались на городских, либо сельских территориях, в связи с чем проблема субурбанизации в форме дачи почти не изучалась. Исследования в области урбанизации рассматривали в первую очередь миграции из сельских районов в города и игнорировали экспансию городов в

пригороды. Однако изучение развития советских и постсоветских городов не может быть полным без рассмотрения такого феномена как дача. До сих пор дачи представляют собой важную часть социальной и культурной истории постсоветских государств.

Сейчас “дача” или дачный посёлок – это типичное для постсоветского пространства место, которое пережило все перемены последних трёх десятилетий. От летней резиденции высших сословий в исторической перспективе до современного убежища измученного постоянным стрессом жителя большого города – вот тот диапазон, в котором находились и находятся совершенно разные социальные слои, экономические стратегии, градостроительно-планировочные подходы и абсолютно несхожие жизненные концепции [12]. Отметим, на какие факты, в том числе из российских источников, обращали внимание западные исследователи и как они их интерпретировали.

**Изменение функций дачи за 300 лет.** А. Гуски [4] отмечал первые дачи в России в начале XVIII в. как ландшафтно-архитектурные ансамбли вдоль дороги, соединявшей новую столицу Санкт-Петербург с императорской летней резиденцией в Петергофе на берегу Финского залива. Дачи превратились в места дружеских встреч, в увеселительные сады благородных фамилий. Эта жизненная концепция демонстрировала связи европейского дворцового этикета с природой, характерные для дворянского сословия [10]. Даже будучи меньшими по своим размерам, дворянские летние резиденции (дачи) практически не отличались по своим функциям и архитектуре от царских летних резиденций.

<sup>1</sup> Работа выполнена по проекту № SAW-2013-IfL-7 Urban Reconfiguration in Post-Soviet Space (ira.urban), финансирует проект Wissenschaftsgemeinschaft Gottfried Wilhelm Leibniz e. (Германия).

<sup>2</sup> См. также статью Т.Г. Нефедовой и И.Г. Савчука в этом номере об исследовании дач в России и Украине.

Вместе с урбанизацией и развитием индустриального общества в XIX в. социальная исключительность была утрачена. Строительство первой железнодорожной линии в России, связавшей в 1837 г. Санкт-Петербург с императорскими резиденциями Царское Село и Павловск, сделало пригороды доступными для буржуазии. В конце XIX в. активно развивался рынок недвижимости. Дача превратилась в принадлежность российского среднего класса. Многочисленные чиновники, высшие государственные служащие, профессора, предприниматели обеих столиц стремились копировать модель свободного времяпрепровождения благородных сословий. Наряду с посещением театра, путешествиями и спортом дача по выходным и летом была вожделенным развлечением в свободное время и одновременно частичкой деревенской идиллии вблизи города [10, с. 22].

Одновременно поменялись и функции – из мест удовольствий (увеселительные сады) они становились местами летнего отдыха и оздоровления организма [10, с. 23]. Во второй половине XIX в. дача приобрела популярность у русской интеллигенции. Художники всех направлений, как правило, снимали на лето дачу или часть поместья, чтобы черпать вдохновение от сельской идиллии и природы, чтобы провести свободное время за умными разговорами с единомышленниками и друзьями. Антон Чехов критически раскрыл эту тему в своей комедии “Вишневый сад”, иронизируя над мещанскими элитарными потугами буржуазии.

После Октябрьской революции 1917 г. со стороны молодого государства отмечалось двойственное отношение к собственности и использованию дач. С одной стороны, дачи считались пережитком прошлого, связанного с дореволюционной буржуазной жизнью [7, с. 106]. С другой стороны, с помощью бесплатной передачи дач в пользование всем социальным слоям можно было показать, что отдых и здоровый образ жизни на природе теперь не был привилегией лишь малочисленной элиты, но являлся составной частью политики нового государства рабочих и крестьян. Одновременно изменились и функции дачи. При Сталине дача первоначально была средством обеспечения лояльности определённых лиц по отношению к властным структурам. Национализированные дачи передавались для бесплатного использования, прежде всего членам партийно-хозяйственной номенклатуры и высшим госчиновникам и их семьям. В дальнейшем дачные посёлки строились для руководства привилегированных деятелей искусства, литераторов, актёров, членов Академии наук и Академии художеств. Одновременно с

этим национализированные дачи использовались как дома отдыха для детей и трудящихся. Бесплатные путёвки выдавались в качестве поощрения за особые заслуги [4]. Владельцы дач подлежали особому контролю со стороны властей. Они не имели права извлекать прибыль из использования своих дач.

Форсированная индустриализация страны была связана с гигантским притоком рабочей силы, прежде всего, в большие города, в особенности в столицы союзных республик. Нехватка жилья стала центральной проблемой. Это побуждало государство не выступать со всей мощью против индивидуальной собственности на дачные дома, поскольку при этом несколько ослабевало давление на государственное распределение жилья. После Второй мировой войны строительство дачных посёлков стало массовым явлением. Появились дачные кооперативы, образованные государственными организациями или крупными социалистическими предприятиями и предоставлявшие своим сотрудникам бесплатные земельные участки<sup>3</sup>. Как правило, государственная поддержка строительства дач отсутствовала [5].

Н.С. Хрущёв продолжал попытку связать вопрос предоставления дачных участков со стратегией государственной жилищной политики, добавив к ним и обязанности на небольших земельных участках вокруг городов выращивать картофель, овощи и фрукты. Функция отдыха стала дополнительной. Советское руководство переложило ответственность по продовольственному обеспечению населения с центральных государственных плановых органов на местные партийные органы, профсоюзы и горсоветы. В маленьких деревянных садовых домах печное отопление было запрещено, чтобы не допустить их использования в качестве постоянного второго жилища. Причиной таких строгих ограничений был дефицит стройматериалов, необходимых для выполнения партийной программы жилищного строительства. Тем не менее в 7-ом пятилетнем плане (1959–1965 гг.) было предусмотрено 7 млн таких объектов [5]. Индивидуальное строительство садовых домиков или дач было запрещено законом “Об индивидуальном строительстве дач” 1960 г. Получение дачного или садового участка стало возможным лишь через дачные или садоводческие кооперативы [6, с. 180]. Исчезло и первоначальное различие между дачным участком

<sup>3</sup> Земля передавалась для дальнейшего использования горсоветам и крупным предприятиям. Получатели были обязаны пять лет отработать на этих предприятиях /в учреждениях, а затем получали участок в постоянное пользование, но не в собственность.

для отдыха и садовым участком, основной функцией которого было обеспечение продовольствием. В обиходе все это называлось дачей.

Превращение дач в массовое явление стало возможным тогда, когда инфраструктура общественного транспорта с 1960-х гг. получила значительное развитие. Вначале произошло расширение дачных поселков, расположенных вдоль железнодорожных линий, особенно по мере их электрификации, а потом поселки развивались также вдоль автодорог с автобусным сообщением. Лишь в 1980-х гг., когда в результате этого строительного бума уже не оставалось больше земель вдоль транспортных осей, дачными посёлками стали застраиваться и межмагистральные пространства. Однако до многих из них можно было добраться только пешком.

При Л.И. Брежневе в 1980-х гг. дача стала еще более массовым явлением. Дача стала необходимой составной частью имевшейся жилплощади. Это жилье было лишь пространственно оторвано от основного и могло быть использовано только сезонно. Очередь на получение садового участка была не меньше, чем очередь на квартиру. В конце 1980-х гг. вокруг Москвы существовало около 1.8 млн, а вокруг Ленинграда около полумиллиона дачных садовых участков [8]. Тысячи маятниковых мигрантов перемещались ежедневно и в выходные дни с мая по сентябрь, в основном по железной дороге, между городом и дачей.

**Дача как постсоциалистический феномен субурбанизации.** На рубеже столетия наблюдались сильные изменения пригородных зон, особенно вокруг крупных городов постсоветских государств [3, 9]. Это было вызвано общим изменением ценностей, затронувшим все слои общества, прежде всего появлением конституционного права частной собственности, в том числе на землю, ценностью местоположения и качества жилья. До настоящего времени имеется лишь небольшое число эмпирических исследований процессов изменения функции дачных поселков, в особенности, в условиях растущей социально-пространственной дифференциации. Обратимся к анализу процессов, протекающих в настоящее время в пригородной зоне крупных городов.

*Новые дачи в традиционных садоводческих кооперативах.* По мере либерализации строгих правил, владельцы дач, которые могли себе это позволить, сносили свои небольшие примитивные деревянные домики, чтобы вместо этого построить небольшой дом на одну семью, который можно использовать круглогодично. Картина начала 1990-х годов (отдельно стоящие огромные,

похожие на замки, дома на садовых участках в 6 соток в окружении грядок и клумб) выглядит в последние годы намного разнообразнее в зависимости от “ценности” дачного поселка, то есть его географического положения и инфраструктуры. В 2000-х гг. новые дома на садовых и дачных участках стали более привлекательными с точки зрения внешнего вида и размеров, что говорит о тенденции перехода от безвкусных особняков и дворцов к домам с более экономичным дизайном жилого пространства, обеспечивающим максимальный комфорт [1].

*Новые коттеджные поселки.* То же самое относится и к недавно построенным домам в так называемых коттеджных поселках, число которых увеличивается с конца 1990-х годов в пригородных районах крупных городов<sup>4</sup>. Они стали новым элементом в рамках традиционной сети поселений. Большинство семей, приобретающих жилье в пригородах, покупает коттеджи для одной семьи. Значительная часть вновь приобретенных загородных домов либо представляют собой целевые инвестиции в недвижимость, либо используются в качестве второго жилья в рекреационных целях, однако не только сезонно, как это было всегда, но и круглогодично. При этом жилье в городах остается для постоянного проживания, либо сдается в аренду. Причина того, что владельцы не проявляют большого интереса к постоянному проживанию в пригороде, видится в слабо развитой социальной инфраструктуре, приводящей к социальной изоляции, что особенно критически воспринимается детьми и подростками [1]. Несмотря на это, мечта о домике на природе, среди зелени не исчезает, и земли вокруг городов стали очень дефицитным товаром.

В Московской области с середины 1990-х гг. не выделялось новых территорий для садоводческих товариществ. Дефицит свободных земель связан с тем, что муниципалитетам гораздо выгоднее продавать земельные участки девелоперам, занимающимся новыми жилыми районами. В результате на первичном рынке не удовлетворяется спрос на свободные территории для дач, и единственной надеждой остается вторичный рынок [1].

*Что происходит со старым фондом дачных поселков?* В то время как в новых коттеджных поселках концентрируются относительно однородные социальные слои, преимущественно upper-middle class, в традиционных дачных поселках заложена смешанная социальная структура. В дачных поселках *остаются* те владельцы, которые: а) могут себе позволить затраты на до-

<sup>4</sup> См. статью А.Г. Махровой в этом номере.

страивание дачи так, что ее можно использовать круглый год, ежедневные маятниковые трудовые миграции в летние месяцы и часто увеличение участка; б) наоборот, не могут себе позволить использовать два вида жилья, что характерно для пенсионеров и длительно не работающих граждан. В последнем случае они либо продают, либо сдают в аренду свою городскую квартиру, чтобы получить средства к существованию, и обеспечивают себя в значительной степени фруктами и овощами с участка<sup>5</sup>.

Дачные поселки *покидают* те семьи, которые: а) в другом месте находят лучшие условия, с точки зрения местоположения, размера участков; б) могут построить или купить дом в новом коттеджном поселке; в) не могут позволить себе одновременно основное жилье в городе и дачу.

В дачные поселки *прибывают*: а) новые владельцы, покупающие освободившуюся дачу в поселке, либо строящие на участке новый дом, который можно использовать круглый год; б) во все большем объеме рабочие-мигранты из бывших советских республик, особенно из Средней Азии, Белоруссии, Украины и Молдовы, арендующие дешевую дачу в течение срока действия их виз<sup>6</sup>. Подавляющее большинство из них работает нелегально и занято на строительстве коттеджных поселков или ремонте и строительстве дач.

Иными словами, в старых дачных поселках происходит относительная социальная гомогенизация “вниз”. “Богатые” уезжают, как правило, в коттеджные или “лучшие” дачные поселки, те же, кто относит себя к low-middle class, остаются в дачных поселках [6, С. 217].

*Факторы, влияющие на упадок или модернизацию дачных поселков.* Насколько далеко может зайти социальная деградация зависит от динамики и масштабов притока и оттока различных социальных групп. Динамика изменений в свою очередь зависит от различных факторов.

• *От транспортного сообщения.* Сегодня спрос на дачи максимальный в тех дачных поселках, которые характеризуются хорошей транспортной доступностью, автомобильным транспортом. В свою очередь это вызывает большие проблемы, связанные с пробками, парковкой и перегруженностью автодорожной сети. Ни администрация области, ни муниципальные работники не справляются с резким возрастанием факти-

ческой численности населения с мая по октябрь, экстремальные транспортные заторы являются частью повседневной жизни пригородов крупных городов.

• *От имиджа района.* Еще в дореволюционное время дачные поселки создавались в климатически и ландшафтно лучших местах. В настоящее время эти районы пользуются особой популярностью у новой элиты. Спрос и цены здесь самые высокие, так что происходит уплотнение дачных поселков в верхнем ценовом сегменте, возрастает социальная однородность. Одновременно это связано с добровольной социальной изоляцией. Большинство новых поселений возникает как изолированные охраняемые жилые комплексы (gated and guarded housing complexes).

• *От обустроенности.* В большинстве дачных поселков при советской власти кроме строительных ограничений, возможность постоянного проживания на даче ограничивалась недостаточной инфраструктурой. Линии электроснабжения и водоснабжения были рассчитаны по минимуму таким образом, что одновременное подключение электрического нагревателя, нагревателя воды или стиральной машины было невозможным. Сточные воды регулировались и продолжают регулироваться индивидуально. Во многих дачных поселках мало изменилось и остальное. Улучшение может быть достигнуто лишь при высоких индивидуальных финансовых затратах. Лишь в недавно построенных коттеджных поселках предоставляется полное инфраструктурное обеспечение с возможностью подключения к Интернету.

До сих пор не урегулированы возможности официальной регистрации горожан в пригородах, которой, к тому же, препятствуют органы местной и областной администрации путем создания бюрократических препон и собственных инструкций. Иначе муниципалитеты, на территории которых зарегистрированы дачники, должны взять на себя заботу об обучении их детей в школах и детских садах, лечении в медицинских учреждениях и т.п.

**В каком контексте следует рассматривать дачу?** В западной литературе дача в советский период рассматривалась, в первую очередь, в качестве альтернативы частной жизни и проявления индивидуальности по сравнению с городским жильем, в котором повседневная жизнь определялась нормами и социальным контролем. Хотя Лоуэлл пишет: “...дача... представляла собой замену дома ...” [6, С. 6], здесь необходима поправка. Дача была не заменой тесной городской квартиры, а ее дополнением. Она была частью

<sup>5</sup> Однако они сохраняют регистрацию в городе, поскольку иначе потеряли бы более высокую пенсию и социальные льготы.

<sup>6</sup> Максимальный срок – на три месяца, затем они уезжают на короткий срок, чтобы позже приехать снова.

всей жилой площади, принадлежавшей семье. В отличие от обычной западной жилищной модели, которая предполагает дом на одну семью с прилегающим садом, в Советском Союзе доминировала пространственно разорванная жилищная модель: небольшая квартира в городе и садовый участок в кооперативе без права собственности. Тем самым хотели предотвратить характерное для капиталистических стран расползание урбанизированных территорий, а также индивидуализацию повседневной жизни людей. При этом, хотя Конституция СССР гарантировала право на жилище, прав на дачу формально люди не имели. Принцип распределения здесь был непрозрачным и сопровождался наличием привилегий и коррупцией. Тем не менее многие имели или снимали дачу, комнату, домик в деревне. В любом случае, можно было летом на пару недель отправиться за город. Несмотря на то, что граждане были лишь “квази-собственниками” дач, у них возникало чувство собственности к своему участку. По крайней мере, он мог быть унаследован.

Хотя размеры домов в советское время строго регулировались, оборудование участка и садового домика в основном оставалось прерогативой владельца. Можно было делать все, что было невозможно в небольших городских квартирах. Кроме того, пребывание на природе давало большее чувство свободы, самореализации и независимости. Жизнь на даче протекала более неформально. Дачи позволяли уйти в частную сферу из официально заорганизованной жизни. Там можно было отдохнуть душой, отрешиться в полном смысле слова.

С другой стороны, поскольку выделение земельных участков происходило через предприятия и учреждения для своих сотрудников, и большинство пользователей относилось к одной и той же государственной организации, у них были похожие интересы, они понимали производственные проблемы соседей. Это способствовало развитию чувства коллективизма, человек жил в атмосфере “общественной солидарности”. Этот общественный аспект был важной особенностью российской дачной культуры. Таким образом, дача была пространством для личной жизни и проявления индивидуальности, но одновременно при сильном социальном контроле, местом для творчества и конкуренции. Дача была местом идентификации личности.

Кое-что из сказанного верно и сегодня. Социальная стратификация общества проявляется и в дачных поселках. Дача все чаще воспринимается как место для уединения и проявления индиви-

дуальности, а дачная “солидарность” постепенно ослабляется. Сегодня тип дачи – это чаще опознавательный знак, символ принадлежности к определенному социальному статусу.

Это создает проблемы в отношениях между старожилами и “вновь прибывшими”. Нувориши стремятся дистанцироваться от традиционной социальной среды дачного поселка с низким уровнем жизни дачников и их специфической ментальностью. С другой стороны, старожилы привыкают к своим “богатым” соседям. Из бесед с дачными старожилами и с сельскими жителями подмосковных деревень стало очевидным, что и они считают себя частью “привилегированного” населения большого Московского столичного региона. В некоторых случаях деревенских жителей нанимают для работы во дворе, для ремонта дома, помощи по хозяйству, или они продают свежие продукты горожанам.

**Заключение.** Итак, как в Российской империи, так и в Советском Союзе, дача была привилегией, предоставляемой государством. В то же время дачи рассматривались как места, свободные от государственных ограничений в качестве квази-частной собственности. В российском урбанизированном ландшафте, который часто воспринимается как тяжелый и бесчеловечный, дача стала примером здравого смысла и гуманности [6].

Пространственная структура постсоветских пригородов крупных городов с начала 1990-х гг. значительно изменилась. Она стала более разнообразной и все еще находится в процессе изменений. В частности, социальная дифференциация субурбий российских городов пока не завершена. Но основные функции современных дачных поселков отчетливо выражены и в будущем не будут существенно меняться – дачи и в дальнейшем будут использоваться как часть общей городской и сельской жилплощади, то есть в качестве второго жилища, но все более и более круглогодично. С повышением уровня жизни отдых в собственном доме на природе будет оставаться важной потребностью, в то время как выращивание овощей все больше превращается в хобби, нежели необходимость.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brade I., Smigiel Ch., Kovacs Z.* Comparing residential suburban development in post-socialist urban regions: The case of Moscow, Sofia and Budapest // *German Annual of Spat. Res.* 2009. P. 79–104.
2. *Bren P.* Weekend Getaways. The Chata, the Tramp, and the Politics of Private Life in Post-1968

- Czechoslovakia // *Socialist Spaces: Sites of Everyday life in the Eastern Bloc* / Eds. Crowley D. and S. Reid S. Oxford/New York: Berg, 2002. P. 123–140.
3. Europäische metropolitane Peripherien / Beiträge zur Regionalen Geographie. Bd.61 / Hrsg. Burdack J., Herfert G. und Rudolph R. Leipzig: Selbstverlag, 2006.
  4. Guski A. Zur Topografie der Musse in Russland: Schöner dösen in der Datscha // *Basler Zeitung*, 29.06.2007.
  5. Hoppe B. “Hinaus zur Datscha!”. Von der “europäischen Stadt” zur “sozialistischen Stadt” und zurück? // *Urbane Transformationen im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts* / Ed. Bohn Th. München: R. Oldenburg Verlag, 2009.
  6. Lowell S. *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 275 p.
  7. Lowell S. Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Cities // *Socialist Spaces: Sites of Everyday life in the Eastern Bloc* / Eds. Crowley D. and Reid S. Oxford/New York: Berg, 2002. P. 105–121.
  8. Morton H. Who Gets What, When, and How? Housing in the Soviet Union // *Soviet Studies*. 1980. V. 32. № 2. P. 235–259.
  9. Rudolph R., Brade I. Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. 2005. V. 22. № 2. P. 135–150.
  10. Stolberg E-M. „Kakanien – Arcadien“: Gartenästhetik in Osteuropa als Zivilisationsentwurf im 18. und 19. Jahrhundert. ([http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/volltexte/2006/3/pdf/stolberg\\_osteuropagarten.pdf](http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/volltexte/2006/3/pdf/stolberg_osteuropagarten.pdf))
  11. Utechin I. Die Kommunalka als Denkmal der sowjetischen Lebensweise // *Wohnen im Postsozialismus, Ost-West-Gegeninformationen*. 2005. Bd.17. Heft 1. P. 46–48.
  12. Winkler M. Rezension zu: Lovell, Stephen: *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710-2000* // *H-Soz-u-Kult*, 29.10.2003. (<http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2003-4-057>).

## Between Dacha and UP-Market Residency. View from the West

I. Brade

*Leibniz Institute for Regional Geography,  
Leipzig, Germany*

The article discusses the phenomenon of Russian “dachas” through the prism of Western, especially European, research. Strategies of dacha-dwellers in historical perspective are identified, as well as importance of dachas for the Soviet and post-Soviet society. Particular attention is paid to the social aspects of life of dacha-dwellers in the suburbs in the post-Soviet period.